

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

С.Г. Ильинская

Актуальность геополитических интуиций Вадима Цымбурского

Svetlana G. Ilinskaya

Relevance of Vadim Tsymburskie's geopolitical intuitions

Настоящая статья написана на базе полемического выступления по докладу Ю.Д. Гранина «Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект «Большой Евразии» в рамках круглого стола «Проблемы цивилизаций в трудах Института философии РАН». Целью работы является прояснение позиций концептолога «острова Россия» в отношении ряда актуальных современных геополитических проблем. Задачи, поставленные в тексте, можно определить как 1) более точное понимание того, что имел в виду автор под «российской цивилизацией», 2) четкое различие между «Россией как Евразией» и «Большой Евразией», 3) методологические размышления в отношении взаимосвязи исторической и проективной составляющей его концепции, а также 4) те перспективы, которые были намечены В. Цымбурским в позитивной версии контрреформации как дополнительно введенном элементе шпенглеровского цикла развития локальных цивилизаций. Базой для герменевтического анализа стали тексты Вадима Леонидовича, посвященные в целом цивилизационной тематике, концепту «остров Россия» и проблеме суверенитета, аккумулированные в двух его монографиях. Итогом анализа стал ряд констатаций. Это 1) осознание значения русской культурной составляющей для российской цивилизации, 2) понимание задачи развития «острова Россия» как приоритетной по сравнению с задачей общеконтинентальной интеграции путем развития взаимосвязей с иными локальными цивилизационными центрами, 3) вывод о взаимной дополнительности исторического и проективно-конструктивистского модусов локально-цивилизационных исследований, 4) провозглашение актуальности ценностной консолидации российской элиты и рядовых граждан как первоочередной задачи самосохранения российского «острова».

Ключевые слова: российская цивилизация, геополитика, Вадим Цымбурский, «остров Россия», сакральная вертикаль, Евразия, постсоветское пространство.

This article is the polemical response to the report of Yu.D. Granin “Island of Russia” by Vadim Tsymbursky and the geopolitical project of Greater Eurasia” within the framework of the round table “Problems of civilizations in the books of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences”. The purpose of the work is to indicate the positions of the author of the concept “Islands of Russia” in relation to a few modern geopolitical problems. The tasks set in the text can be defined as 1) to understand what Tsymbursky meant by “Russian civilization”; 2) to distinct between “Russia as Eurasia” and “Greater Eurasia” in his concept; 3) to reflect the methodological relationship between the historical and projective components of his concept; 4) to identify the prospects for the development of local Russian civilization, as Tsymbursky understood them. The basis for hermeneutic analysis was the texts of Vadim Tsymbursky, devoted the concept of the “Island of Russia” and the problem of sovereignty. Conclusions: 1) the Russian ethno-cultural component is of decisive importance for Russian civilization; 2) the development of the “Island of Russia” is more significant than continental integration with other local civilizational centers; 3) the historical methodology and constructivism in local civilizational studies are complementarity; 4) the value consolidation of the Russian elite and ordinary citizens is a priority purpose for the existence of the Russian “island”.

Keywords: Russian civilization, geopolitics, Vadim Tsymbursky, “Island of Russia”, sacred vertical, Eurasia, post-Soviet space.

Автор статьи в целом позитивно воспринимает обращение Ю.Д. Гранина к работам В.Л. Цымбурского и его стремление переосмыслить концепцию «острова Россия» в связи с изменившейся в последнее время геополитической реальностью (включая возможности ее сопряжения с проектом «Большая Евразия»). Но сегодня кажется очень важным более подробное рассмотрение некоторых аспектов названной концепции с тем, чтобы продемонстрировать актуальность высказанных Цымбурским прогнозов.

Позиции концептолога «острова Россия»

В.Л. Цымбурский рассматривал в качестве цивилизаций народы или группы народов, государственно контролирующие достаточно выделенный ареал в мировом географическом раскладе и при этом освящающие свою геополитику «сакральной вертикалью», т.е. религией или идеологией, которая бы проецировала духовные и социальные предпочтения этих народов в сферу представлений о последних причинах и целях существования мира и человечества [16, с. 56]. В отличие от Ю.Д. Гранина, говорившего о ряде «цивилизационных воплощений» на российской почве («православная цивилизация» Московского царства XVI–XVII вв., «цивилизационная псевдоморфоза» империи Романовых XVIII–XIX вв., «гибридная цивилизация современного типа» России кануна Первой мировой войны и «советская цивилизация», представлявшая собой альтернативный Западу тип современного развития) [4, с. 81]. В.Л. Цымбурский рассматривает российскую цивилизацию в единственном числе.

Все вышеперечисленные воплощения, по его мнению, предстают просто перечнем эволюции политических систем, этапами развития того образования, которое именуется российской цивилизацией. Основанием так полагать был его собственный вывод о том, что народы цивилизационного ядра на протяжении своей истории могут заменять стилистическое оформление «сакральной вертикали». Опираясь на обильные исторические примеры таких изменений, Вадим Леонидович пришел к выводу, что локальной цивилизацией можно считать любое сочетание геополитической и идеологической «отмеченности»¹ у некоего круга народов, их способность быть источником идейного и стиливого «облучения» иных пространств, прежде всего геополитических приделов данного ареала. В период возвышения и расцвета любой цивилизации ее «ядровой»² народ (или группа народов) утверждает свою геополитическую и культурную гегемонию над прилегающей периферией [17, с. 215]. Иначе говоря, важнейшим признаком цивилизации для него был контроль некоторой группы народов над какой-либо ареальной твердыней, подводимой под собственную «сакральную вертикаль», независимо от характера последней в тот или иной момент времени. Так, у российской цивилизации, по В.Л. Цымбурскому, ключевая идентификационная идея изменялась с течением времени в перечисленных выше воплощениях от «Святой Руси вокруг Белого Царя» до «заветного отечества для пролетариата всех стран». Рассматривая систему цивилизаций «Европа – Россия», он полагал, что Россия последних трех веков выступает «цивилизацией-спутником» Запада [17, с. 121] (также, как и Япония в отношении Китая).

При этом Вадим Леонидович теоретизировал с опорой на переосмысление трудов как О. Шпенглера, так и А. Тойнби. Он полагал, что, хотя период существования локальных цивилизаций не исчерпывается отведенным Шпенглером сроком (около 1000 лет), большую роль в этом процессе играет именно способность к смене «сакральной вертикали». Если такое обновление происходит, то «жизненный цикл» цивилизаций («мировых культур», по Шпенглеру) «запускается» вновь, если же нет, то их дальнейшее существование протекает в тойнбианской вызово-ответной логике.

Предостерегая против возвращения к циклам «похищения Европы» [17, с. 44–64] в российской истории, не менее настороженно Вадим Леонидович относился и к азиатскому вектору геополитического расширения, полемизируя в этом вопросе с А.Г. Дугиным, делавшим упор не только на создание Евразийского союза, фактическое превращение России совместно с другими странами СНГ в конфедерацию, но и на укрепление взаимодействия с иными силовыми полюсами Евразии (Китаем, Индией, Ираном, Японией, Турцией и пр.). В статье, первоначально написанной как рецензия

¹ Неологизм, использованный В.Л. Цымбурским для указания на «избранность» и «особость».

² Неологизм Цымбурского, означающий «ключевой», «основной», «образующий».

на «Основы геополитики» (где предлагалось развивать такие геополитические оси, как «Москва – Берлин», «Москва – Токио», «Москва – Тегеран» и др. [6, с. 220–249]), Цымбурский жестко критиковал автора учебника за подмену в его неоевразийстве «России-Евразии» «Большой Евразией», за попытку интегрировать неинтегрируемое. Полагая мечтания Дугина «геополитикой с позиции слабости» (включая предполагаемый доступ для Китая к богатствам Сибири, передачу Японии Южных Курил в обмен на технологии и т.д.), Вадим Леонидович высказывал вполне обоснованные опасения, что в случае ее реализации «бедный русский Бегемот» может «пойти на шашлыки» для всего евразийского материка [16, с. 150–151].

Что касается классической евразийской доктрины, сложившейся в 1920-е гг. в среде русской эмиграции, то В.Л. Цымбурский видел в ней продолжение политики «похищения Европы», только реализуемой в Азии через соперничество в европейской зоне влияния или в тех лимитрофных пространствах, где Европа еще не успела утвердиться (т.е. через «выяснение отношений» на периферии мира). В связи с тем, что один из основателей классического евразийства Петр Савицкий полагал возможным отнести к русскому пространству всю зону пустынь с замахом на китайский регион Синьцзян и в будущем рассчитывал на прорыв к Персидскому заливу, автор «острова Россия» вспоминал, как ранее Павел I намеревался, вторгшись в Индию, поднять ее против англичан [17, с. 17–18], а «восточный вопрос» при Николае I был частью «западного вопроса» [17, с. 13]. Все российские «приобретения» и успехи в Азии, по мнению В.Л. Цымбурского, были каждый раз связаны с завершением очередного цикла «похищения Европы» (от походов на Хиву до борьбы с басмачами).

Сам Вадим Леонидович предпочитал понятию «Евразия» термин «Срединная Россия» [17, с. 292] (или «Русская Евразия» Семенова-Тян-Шанского [17, с. 460–461]) и настаивал на необходимости «поворота» не в «Большую Евразию», а к «своему» Востоку. Он обращал внимание на «диффузность» окраинной России, на то, что во всю толщу южных «проливов», окружающих ее «остров» и обретающих повышенное оборонительно-рубежное значение, она, перемежаясь с «почти Россией» (Северный Казахстан) или с «уже нероссией» (Средняя Азия), фактически размыто переходит в нее, вынужденно защищаясь на таджикской границе [17, с. 23]. Более того, сегодня этот «свой» Восток уже представлен солидными вкраплениями внутри российского «острова».

Апеллируя к трудам Вадима Леонидовича в их соотнесенности с проектом «Большая Евразия», следует помнить, что, согласно Цымбурскому, задача поддержания стабильности в буферной зоне «территорий-проливов» не должна иметь приоритет над внутренней геополитикой, «нацеленной на развитие регионов “острова” в их природной и хозяйственной дифференцированности» [17, с. 24].

Текущая геополитическая реальность

С момента ухода из жизни В.Л. Цымбурского прошло 13 лет.

Сторонники мирополитической парадигмы рассмотрения международных процессов уже не менее 20–25 лет утверждают, что мир, в котором единицей рассмотрения международной политики были национальные государства, претерпел существенные изменения. В результате такой трансформации ключевыми структурами глобальной политики стали наднациональные образования и трансконтинентальные корпорации. Причиной данного положения дел стало освобождение «экономики из-под диктата власти, вплоть до подчинения самой политики – экономике» [16, с. 176].

Сегодня буквально на наших глазах мировая система претерпевает дальнейшие преобразования. Роль государства во многом «возвращается», при этом ключевыми агентами влияния постепенно становятся такие государственные образования, в основе идентичности которых лежат принципиально отличные аксиологические приоритеты и специфическая логика смысловых процессов [14, с. 351–354]. На смену «государству-нации» приходит «государство-цивилизация» [15].

Цымбурский подробно останавливался на анализе того, чем государственные образования, изначально строившиеся как имперские, отличаются от того типа легитимности власти, который сформировался в европейском регионе на основании концепции суверенитета. Для них возврат к «авторитету» вместо «суверенитета» во многом происходит потому, что сформировавшаяся на базе последнего система глубоко конфликтна. Общемировая «рыночная доминанта» привела к неоправданному наложению «западных» концептов на иные традиции, в результате под маской «народного суверенитета» стали выступать этнократии и политократии.

Другая причина заключается в том, что зоны традиционной имперской структуры власти ищут возможности изменить глобальную неолиберальную логику финансиализированного капитализма. Способность к таким преобразованиям могут иметь лишь достаточно крупные региональные структуры. Цивилизационная идентичность, к которой они апеллируют, будучи макрополитической, дает возможность сплочения населения больших географических платформ без утраты идентичности национальной, этнической, конфессиональной и др.

Согласно Цымбурскому и многим другим авторам, одной из локальных цивилизационных идентичностей является идентичность российская в ее полном поэтапном развитии и всех типах исторической преемственности (Московское царство, Российская империя, СССР, современная РФ). Для Вадима Леонидовича, который рассматривал «остров Россия» как «геополитическую нишу русского этноса», включающую в себя различные иноэт-

ничные вкрапления [17, с. 30–31], российская цивилизация прежде всего есть русская, а не православно-славянская цивилизация, как для Н.Я. Данилевского [5] или (из современников) А.В. Гвоздева [2].

Трагедия молодых «национализирующихся» государств на постсоветском пространстве в настоящее время заключается в том, что они, отрицая российскую гегемонию, пытаются построить тип государственности, уже уходящий с исторической сцены, вернуться к тому этапу, который они ускоренными темпами развития прошли в рамках СССР. Из-за форсированного характера советской модернизации этот процесс (в отличие от европейских национальных государств) осуществился без опыта построения гражданского общества. А «националистический паттерн» в постсоветском контексте, который утверждался под покровительством «идеологии народного суверенитета», опирался при этом на «архаичный языковой синкретизм», заключающийся в неразличении терминов [16, с. 210]. В результате произведенной подмены нация как согражданство превратилась в нацию как соотничность. Вот почему новообетенная этнополитическая общность – слишком хрупкое единство в современных условиях, когда большинство государств на планете, в том числе на постсоветском пространстве, не являются моноэтничными. Клановость и этнический трайбализм, усиленные проблемой социального неравенства, делают это хрупкое единство и вовсе иллюзорным.

Не имея (или почти не имея) опыта государственности вне российской истории, ряд стран постсоветского пространства строят свою национально-государственную идентичность, используя антироссийскую риторику и антисоветские интерпретации истории. Тогда как из всех имеющих на сегодня в наличии цивилизационных образований российское исторически является наиболее толерантным [7]. Как следствие, выход из бщего геополитического пространства российской цивилизации (основанной преимущественно на русской культуре и традиционных религиозных ценностях, прошедших светскую реинтерпретацию в советский период, а также принципе мобилизационного государства и превалирования долга над правом) сопровождается серьезными проблемами сохранения территориальной целостности.

Это подтверждает опыт Украины, Киргизии, Грузии, Молдовы, Армении и Азербайджана, Таджикистана и др.³ Спорные и утраченные территории, а также иные взаимные претензии были и в советский период, но совместное существование в рамках одного государства сглаживало остроту конфликтов. Рецепт такого решения территориального вопроса имеет дав-

---

³ Репутация Казахстана, считавшегося одним из самых стабильных государств на постсоветском пространстве, была подорвана из-за протестов января 2022 г. против повышения цен на газ, обернувшихся серией погромов и мародерств. Стабилизировать ситуацию (но далеко не окончательно) удалось во многом благодаря коллективным миротворческим силам ОДКБ.

ную историю. В.Л. Цымбурский приводит пример достижения «суверенитета согласия» в начале XIII в. до н.э., когда фараон Египта Рамсес II и хеттский царь Хаттусилис III, создав тесный межгосударственный союз, скрепленный междинастическим браком, сделали неактуальным вопрос о размежевании сфер влияния на спорной сирийской территории [16, с. 213].

Новое «вхождение» в большое геополитическое пространство на иных основаниях, если оно произойдет, означает решение многих неразрешимых на сегодня вопросов (статус ДНР и ЛНР, Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и т.д.), однако становится возможным лишь при условии принятия иной (нежели в настоящее время) логики развития, а также отказа от части суверенитета (проблема, подробно разработанная Цымбурским в целом ряде статей). В то время как для государств-лимитрофов, априори не имеющих ресурсов для обретения суверенитета в полной мере, сложно вырваться из традиционной для них «многовекторной политики», предполагающей лавирование между имеющимися центрами силы. В этих условиях евразийство является наиболее удобной формой продвижения российских интересов, позволяющей не раздражать «национальные» чувства «своего» Востока. Однако евразийство как работа в рамках органичной российской цивилизационной платформы и евразийство как стратегия межцивилизационного сотрудничества в рамках континента – это принципиально разные геополитические стратегии.

Методологический плюрализм цивилизационного подхода

В рамках дискуссий по цивилизационной тематике наиболее непримиримо критикуют мультицивилизационную методологию представители направления, которые сами себя определяют как приверженцев социального конструктивизма [9]. Тем не менее на примере творчества В.Л. Цымбурского считаю необходимым продемонстрировать взаимную непротиворечивость исторической и конструктивистской методологии.

Если копнуть уж совсем глубоко, то корни конструктивизма растут из соображения Канта о том, что фактов, строго говоря, нет, а то, что мы воспринимаем как таковые, есть продукты деятельности нашего сознания, взаимодействующего с некими перцепциями, идущими от непознаваемого в его сущности феноменального мира. Историзм позднейшего немецкого идеализма есть, по сути, перенесение конструктивизма из области теории познания в область исторической практики. Все, что мы имеем в жизни людей, – «конструкты» или «продукты» неких меняющихся «способов производства», как бы их назвал Маркс. И это касается в том числе всех идей, ценностей, идентичностей, религий в той же мере, в какой и материальных предметов.

Однако такая констатация вынуждает нас поставить вопрос о «первичности»: есть ли нечто, предшествующее такой «конструктивистской» исторической практике, включая ее «духовно-практическую» сторону? Отсюда уже один шаг до осознания того, что даже «бессознательное» не есть нечто незамутненно «примордиальное». Это глубоко «осевшие», «вытесненные», «травматические» опыты, которые мы не хотим знать, которые «забываем», чтобы жить в соответствии с социальными нормами, но которые прорываются в наши повседневные практики различными «синдромами» и т.д.

Не только с точки зрения конструктивизма, но и с точки зрения историзма любая сущность была когда-то и как-то сформирована, только это происходило постепенно, естественно-исторически. В то же время, работая в конструктивистской парадигме, необходимо понимать: воображают только то, что может быть воображаемо, а это всецело задается характером имеющей место исторической практики...

«Остров Россия» В.Л. Цымбурского – это как раз пример мультипарадигмального, но при этом целостного и непротиворечивого исследования, имеющего в своей основе глубокие исторические опоры и в то же время носящего проективно-конструктивистский характер.

Любое политическое понятие имеет идеационное содержание (понимаемое, по Э. Гуссерлю, как непосредственное созерцание идеального), вот почему локальная цивилизация – в том числе (но не только!) политический проект. В данном контексте слово «проект» не нужно воспринимать как некий документ (план или программу), у которого есть заказчик (субъект, определяющий содержание проекта), реализующие его исполнители, комиссия, оценивающая его результаты, и т.д. Проект – это то, что может состояться, что имеется в потенции. В данном случае локальная цивилизация (на современном этапе) в качестве идеи может, конечно, конкретно формулироваться в виде проекта «Русского мира» (или «Тюркского мира»), могут даже быть предприняты конкретные меры по реализации того или иного проекта. Но надо понимать, что социальная реальность локальной цивилизации имеет черты самоорганизующейся системы (по Н. Луману, Ф. Броделю), именно поэтому какие-то ее устойчивые характеристики воспроизводятся даже после череды социальных катаклизмов. В российском случае А.И. Фурсов и Ю.С. Пивоваров пытались «ухватить» эту неизменность через понятие «Русской системы» [13]. Подобные константы полностью отрицаются вышеупомянутыми оппонентами, однако это отрицание – элемент веры. Веры в то, что возможна абсолютная научная беспристрастность, с помощью которой любые реифицированные сущности должны быть подвергнуты аналитическому разложению. Но разве философия не должна задавать вопросы о ценностях, о смысле существования? В том числе для больших человеческих сообществ?

В итоге конструктивистская методология, полностью оторванная от исторических опор, используется для деконструкции любых коллективных идентичностей в рамках глобалистского проекта по производству атомизированных индивидов – этой новой массы постмодерна, более аморфной, нежели масса индустриального общества. Людей без устойчивых ценностей, сильных приверженностей и стабильных групповых лояльностей, не имеющих традиционных «опор», вследствие чего ими легко манипулировать. Американские правые, о которых иногда упоминают критики мультицивилизационного подхода в качестве доказательства неоднородности Запада, – это тот элемент, который подавляется как внутренний очаг традиционности. Иные цивилизационные субъекты и идентичности, на базе которых они могут консолидироваться, – как внешний. В этой борьбе, которая имеет и политическое измерение, теорию локальных цивилизаций пытаются подвергнуть полной деконструкции, обвиняя в «ненаучности», поскольку она потенциально может быть использована как идеология сопротивления. А в качестве альтернативы предлагается псевдонаучная идеология мнимости и кажимости, каковой невольно становится любой проект идентификации, создаваемый произвольно, вне подлинных исторических «опор».

П. Бергер и Т. Лукман (на теоретическую базу которых как будто бы опираются социальные конструктивисты постмодерна), анализируя процессы, посредством которых происходит воспроизводство ядра социокультурной реальности, указывали в первую очередь на механизмы отбора идеационных содержаний, являющихся некими смыслами, трансформированными в фундаментальные принципы организации личностного и общественного опыта повседневности [1]⁴. Вот почему мне еще раз приходится обращать внимание оппонентов локально-цивилизационного подхода на тот факт, что историзм и конструктивизм как принципы осмысления социальной реальности взаимно дополнительные. Ибо мыслиться (воображаться) может только то, что возможно помыслить, а это во многом определяется историческим опытом.

Вот почему при рассмотрении «суверенитета» Цымбурский проявил себя как трезвый аналитик, вскрывший глубокую концептуально-понятийную взаимосвязь данной категории с понятиями «власть-могущество», «общность», «обязательства», «легитимность», «власть-авторитет», «государство», «правительство», «конституция». Эти дополнительные коннотации всецело определяются европейским и американским историческим опытом. В иных культурных традициях данное понятие подчас совершенно не работает, порождая при ослаблении авторитарной власти нескончаемые трайбалистские конфликты. К тому же необходимо учитывать и более поздние коннотации: тот факт, что в Новейшее время международное право рассматривается как источник ограничения суверенитета государства через защиту

---

⁴ Об этом подробно см. в анализе З.Я. Капустиной [8].

суверенитета личности посредством международных инстанций, защищающих права человека от посягательств его государства. Это смысловое наполнение также принадлежит западной традиции Нового времени, защищающей постоянно расширяющуюся сферу частной жизни индивида.

Практическая востребованность идей В.Л. Цымбурского

Живя в «фантазийном» мире (или мире идей), те или иные авторы (в том числе В.Л. Цымбурский) предлагают некие смыслы или проекты развития. Когда такие идеи формируются на базе глубокого переосмысления исторического опыта, ценность их многократно повышается. Часть из них может быть востребована в конкретной политической ситуации, особенно в переломные моменты истории, когда актуализируются неоднократно опробованные, исторически испытанные алгоритмы, тем более если для их реализации возникают благоприятные условия и настоящая потребность со стороны народных масс.

Предлагая сконцентрироваться на внутреннем российском развитии, Цымбурский наметил пути преодоления угроз глобального неолиберального финансиализированного капитализма. Дополнив цикл Освальда Шпенглера еще одной контрреформационной волной (связанной с частичным возвратом к старым идеалам), он видел ее перспективы в ценностной консолидации власти и граждан при моральном контроле народа над элитами. Истоки этой возможности кроются в «сакральной вертикали» Московской Руси XV–XVII вв. Поскольку именно в этот момент российской истории присутствовала цивилизационная оригинальность как представлений о судьбах мира, так и воплотившего их культурно-бытового и художественного стиля [17, с. 174].

К сожалению, проекты полноценного развития России пока не получили должного подкрепления в отличие от внешнеполитической повестки. Так, в ходе избирательной кампании накануне президентских выборов 2018 г. обсуждение социально-экономических вопросов заметно потеснила тема восстановления обороноспособности страны, объективно способствующая повышению рейтинга действующего президента. Изменения в обсуждении «газовой проблематики» в ходе избирательной кампании в ГД РФ прошлого года свидетельствовали о слабом понимании насущных интересов рядовых граждан со стороны политической элиты.

Кампания перед выборами в ГД-2021 стартовала победными реляциями о предполагаемом досрочном окончании строительства и ввода в эксплуатацию газопровода «Северный поток – 2». Эта стратегия была вскоре скорректирована в сторону декларированной немедленной газификации регионов, закончившейся принятием закона, который как будто бы гарантировал газификацию до 2023 г. там, где дополнительных газопроводов строить не нужно, а там, где такое дополнительное строительство необходимо, – до 2030 г.,

т.е. за пределами даже следующего электорального цикла. Таким образом, интересы крупного бизнеса снова оказались в приоритете, тогда как интересы обычных граждан – в забвении. Обустройство российского «острова» вновь было отложено на неопределенное время.

В настоящее время отказ европейских партнеров от ввода в эксплуатацию газопровода «Северный поток – 2», основная цель которого заключалась в налаживании поставок газа в Европу в обход территории Украины, обесмыслил все предпринимавшиеся ранее экономические и политические усилия. Еще ранее ситуация с коронавирусом радикально изменила мир и поставила под сомнение сохранение прежней социетальной системы. Рухнула так называемая открытая экономика, в том числе сервиса и услуг, включая международный туризм. Затруднительным стало проживание в городской среде, в особенности в условиях самоизоляции в квартире. Обнажилась абсурдность концентрации населения в мегаполисах, опасность утраты производственного потенциала, а также высокой зависимости от импорта лекарств и продуктов питания. Пришло осознание необходимости возврата к разумному рассредоточению населения (дезурбанизации), изменению принципов его занятости, вообще ухода от «экономики трубы».

По свидетельству Б.В. Межуева, Вадим Цымбурский в свое время усматривал какие-то зародыши чаемого им контрреформационного движения в Сергее Глазеве и политической линии его единомышленников – консервативной и модернизационной одновременно [10]. В настоящее время предлагаемые этой командой рецепты превращения России в «государство развития» [3], включающие восстановление продовольственной безопасности и промышленного потенциала страны, установление барьеров против вывоза за рубеж капиталов и много другого, вынужденно приобретают особую актуальность в связи с теми санкциями, которые западный мир применяет в отношении России.

В 1994 г. Цымбурский предсказал, что в случае кризиса украинской государственности от нее, возможно, отпадут Крым, Новороссия и Днепропетровское левобережье [11]. То есть произойдет раскол по цивилизационной границе. Основой для такой уверенности стала его собственная концепция суверенитета, в которой он раскрыл возможность «распределения» и «расщепления» суверенитета, а также выделил несколько его видов, в том числе «суверенитет факта» (фактического осуществления власти на подконтрольной территории) и «суверенитет признания» (внешнего, прежде всего международного). Суверенитет ДНР и ЛНР существует как факт в течение 8 лет. С 21 февраля 2022 г. начинается история суверенитета признания этих государственных образований Россией, не входящей в круг определяющих мировых авторитетов в этом вопросе, однако с военной помощью осуществляющей укрепление фактического суверенитета этих республик.

Опираясь на работы К. Шмидта, Цымбурский показал, что суверенитет в истории не даруется просто так, за его обретение приходится бороться. «Причудливые противоборства» различных «эталонных суверенов» могут выглядеть по-разному. Например, как требование смены *коррумпированной* власти (которая в ответ будет обороняться под лозунгом охраны государственного суверенитета), что, как правило, выступало последствием «оранжевых» революций. В то же время этнические группы могут бороться за самоопределение под лозунгом соответственного права народа (а власть будет отстаивать в ответ суверенную территориальную целостность), таковы последствия различного рода сепаратистских движений. На координатной прямой, где один полюс представляет собой суверенитет государства, обращенный против внешних посягательств и внутренних мятежей, а другой – право на борьбу против злонамеренных пользователей суверенитета, возможны любые причудливые модификации [16, с. 295].

Внешнее давление и внутренняя борьба приводят к тому, что по «российской кайме» – «шлейфу острова» – возникают «непризнанные и полупризнанные государства» [16, с. 300], чей статус полностью определяется фактом внешнего признания, которое даруется или не даруется в зависимости от того, насколько это выгодно или нет мировому сообществу. Решения о признании принимаются произвольно, исходя из прагматических интересов, и не имеют универсального алгоритма. Так, «коллективный Запад» признавал право чеченского народа на самоопределение в 1990-е гг., тогда как борьба ДНР и ЛНР за суверенный статус однозначно попадала в разряд «террористического сепаратизма».

В «оранжевых» сценариях победа «нового народа» определялась мощным давлением западных держав, принимавших решения относительно того, кто конкретно достоин или недостоин называться народом, и позволявших реализовывать право на самоопределение, вследствие чего Цымбурский прямо называл квазиреволюции в Грузии и Украине «геополитической обкаткой» «нового типа международной легитимности» [16, с. 308].

Евромайданный переворот февраля 2014 г., произошедший уже после кончины Цымбурского, имеет в этом отношении крайне показательный статус, ибо то право, которое было признано Западом за евромайданным самоопределением в ходе «революции достоинства», отрицалось за народом Донца и Луганска. Однако оно со всей неизбежностью возникло у данных республик в силу насильственно навязываемого киевским режимом «европейского» выбора и принудительной украинизации.

Заключение

Российская цивилизация исторически реализовывалась через служилое государство, бывшее на евразийских просторах единственной антитезой локализму и хаосу и опиравшееся в качестве скрепляющего элемента на русскую культуру. Это культурное влияние сохраняется до сих пор на значительной части постсоветского пространства, что непосредственно проявляется в том числе в направлении миграционных потоков, которые (пока) из Средней Азии устремлены в центр русского, а не (например) турецкого мира. Доктрину сохранения и дальнейшего развития российской цивилизации А.С. Панарин когда-то сформулировал через достижение аутентичности [12, с. 9], реализуемое, по его мнению, через новое прочтение опыта предков, переосмысление российской истории, позволяющее определить вектор будущего самостоятельного развития. Говоря словами В.Л. Цымбурского, эту же мысль можно выразить так: развивая проект «Большой Евразии», прежде всего необходимо не забывать об «острове Россия» в Евразии. Однако на семинаре памяти Вадима Леонидовича Борис Межуев отметил, что ключевым условием реализации «островной» политики для Цымбурского было сохранение Великого лимитрофа – буферного пояса государств, отделяющих «остров Россия» от других цивилизационных платформ [18]. Расширение НАТО на восток нарушило ту устойчивость, которая была необходимым условием такой политики. Вот почему проекты «остров Россия» и «Большая Евразия» вынужденно становятся взаимно дополнительными.

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Svetlana G. Ilinskaya – Ph.D. in Political Science, Head of the Department of Philosophical Problems in Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

svetlana_ilinska@mail.ru

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Гвоздев А.В. Православно-славянская цивилизация в геополитических учениях Новейшего времени. М.: Прометей, 2016. 116 с.
3. Глазьев С.Ю. Государство развития // Глазьев.Ру. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/97620-sergey-glaz-ev-gosudarstvo-razvitija> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. № 1. С. 81–98.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.

6. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
7. Ильинская С.Г. «Море Россия» (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 496–505.
8. Капустина З.Я. Отбор идеационных содержаний как способ оптимального конструирования социокультурной реальности // ЭНПЖ «Гуманитарные научные исследования». 2015. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12648> (дата обращения: 20.01.2022).
9. Летняков Д.Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23. Вып. 3 (№ 111). С. 57–69.
10. Межуев Б.В. Цымбурский и Шпенглер // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5178-cymburskij-i-shpengler.html (дата обращения: 20.02.2022).
11. Межуев Б.В. «Остров Россия» и российская политика идентичности // Россия в глобальной политике, 2017. № 2 (март/апрель). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostrov-rossiya-i-rossijskaya-politika-identichnosti/> (дата обращения: 20.02.2022).
12. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. 352 с.
13. Пивоваров Ю., Фурсов А. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические отношения и политический процесс в современной России: Хрестоматия. Т. 2 / Ред. и сост. Е.Г. Пономарева. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 176–191.
14. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.
15. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
16. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. 372 с.
17. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
18. Видеозапись семинара «“Критическая геополитика” Вадима Цымбурского и ее значение для истории философии». URL: https://iphras.ru/18_02_2022.htm (дата обращения: 20.02.2022).

References

1. Berger P., Lukman T. Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
2. Gvozdev A.V. Pravoslavno-slavyanskaya civilizaciya v geopoliticheskix ucheniyax novejshego vremeni. M.: Prometej, 2016. 116 s.
3. Glaz`ev S.Yu. Gosudarstvo razvitiya // Glaz`ev.Ru. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/97620-sergey-glaz-ev-gosudarstvo-razvitija> (access date: 20.02.2022).
4. Granin Yu.D. «Civilizaciya» i civilizacionnaya e`voluciya Rossii // Problemy` civilizacionnogo razvitiya. 2021. № 1. S. 81–98.
5. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: Algoritm, 2018. 560 s.
6. Dugin A.G. Osnovy` geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. M.: Arktogeya, 1997. 608 s.
7. Il`inskaya S.G. «More Rossiya» (rossijskaya identichnost` i ideya tolerantnosti) // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2018. T. 20. № 4. S. 496–505.
8. Kapustina Z.Ya. Otbor ideacionny`x sodержanij kak sposob optimal`nogo konstruirovaniya sociokul`turnoj real`nosti // E`NPZh «Gumanitarny`e nauchny`e issle-

- dovaniya». 2015. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12648> (access date: 20.01.2022).
9. Letnyakov D.E`. Civilizacii kak «voobrazaemy`e soobshhestva». K konstruktivist-skoj kritike civilizacionnoj teorii // Lichnost`. Kul`tura. Obshhestvo. 2021. T. 23. Vy`p. 3 (№ 111). S. 57–69.
  10. Mezhuev B.V. Cymburskij i Shpengler // Intelros. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5178-cymburskij-i-shpengler.html (access date: 20.02.2022).
  11. Mezhuev B.V. «Ostrov Rossiya» i rossijskaya politika identichnosti // Rossiya v global`noj politike, 2017. № 2 (mart/aprel`). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostrov-rossiya-i-rossijskaya-politika-identichnosti/> (access date: 20.02.2022).
  12. Panarin A.S. Narod bez e`lity`. M.: Algoritm, 2006. 352 s.
  13. Pivovarov Yu., Fursov A. «Russkaya Sistema» kak popy`tka ponimaniya russkoj istorii // Politicheskie otnosheniya i politicheskij process v sovremennoj Rossii: Xrestomatiya. T. 2 / Red. i sost. E.G. Ponomareva. M.: INION RAN, 2008. S. 176–191.
  14. Smirnov A.V. Logika smy`sla kak filosofiya soznaniya: priglasenie k razmy`shleniyu. M.: Izdatel`skij Dom YaSK, 2021. 448 s.
  15. Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: filosofsko-politicheskij analiz. M.: IF RAN, 2016. 122 s.
  16. Cymburskij V.L. Kon`yunktury` Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie intellektual`ny`e rassledovaniya. M.: Evropa, 2011. 372 s.
  17. Cymburskij V.L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie raboty`. 1993–2006. M.: ROSSPE`N, 2007. 544 s.
  18. Videozapis` seminara «“Kriticheskaya geopolitika” Vadima Cymburskogo i eyo znachenie dlya istorii filosofii». URL: https://iphras.ru/18_02_2022.htm (access date: 20.02.2022).